

# «Крепость»

Из романа «Петр Первый»

Алексей Толстой

... Д вад-  
цать восьмого авгу-  
ста «Крепость»,  
взяв на борт посла,  
дьяка и переводчи-  
ков, сопровождае-  
мый четырьмя ту-  
рецкими военными  
кораблями, обогнул  
керченский мыс  
и при слабом ветре  
поплыл вдоль юж-  
ных берегов Крыма.

Ветер свежел.  
Памбург поглядел  
на небо и велел при-  
бавить парусов. Тя-  
желые турецкие ко-  
рабли стали заметно отставать. На перед-  
нем взвились сигналы: «Убавьте парусов».  
Памбург усталился в подзорную трубу. Вы-  
ругался по-португальски. Сбежал вниз,  
в кают-компанию, богато отделанную оре-  
ховым деревом. Там у стола на навощен-  
ной лавке, страдая от качки, сидел посол  
Емельян Украинцев, — глаза закрыты, сня-  
тый парик зажат в кулаке. Памбург — бе-  
шено:

— Эти черти приказывают мне убавить  
парусов. Я не слушаю. Я иду в открытое море.

Украинцев только слабо махнул на него  
париком.

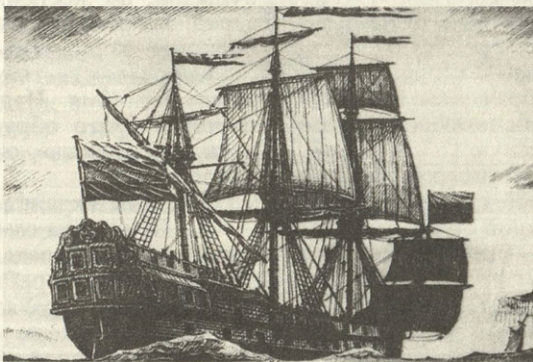
— Иди куда хочешь.

Памбург поднялся на корму, на капи-  
танский мостик. Закрутил усы, чтобы не  
мешали орать:

— Все наверх! Слушать команду! Ставь  
фор-бом-брамсели... Грот... Крюйс-бом-  
брамсели... Фор-стенга-стаксель, фока-  
стаксель... Поворот на левый борт... Так  
держаться...

«Крепость», скрипя и кренясь, сделал  
поворот, взял ветер полными парусами и,  
уходя, как от стоячих, от турок, пустился  
пучиною Евксинской прямо на Цареград.

Под сильным креном корабль летел по  
темно-синему морю, измятому норд-ос-  
том. Волны, казалось, поднимали пенистые  
гривы, чтобы взглянуть, долго ли еще пу-  
стынно катиться им до выжженных солнцем  
берегов. Шестнадцать человек команды —  
голландцы, шведы, датчане, все — морские  
бродяги, поглядывая на волны, курили тру-  
бочки: идти было легко, шутя. Зато полови-



«Крепость». Рисунок А. Карелова

на воинской коман-  
ды — солдаты  
и пушкари — валя-  
лись в трюме между  
бочками с водой  
и соломиной. Пам-  
бург приказывал  
всем больным от-  
пускать водки три  
раза в день: «К мо-  
рю нужно привы-  
кать!»

Сильно страда-  
ло качкой великое  
посольство. Украй-  
нцев и дьяк Череди-  
ев, лежа в кормовом  
чулане — малень-

кой свежеекрасенной каюте, поднимали  
головы от подушек, взглядывали в квад-  
ратное окошечко... Вот оно медленно пада-  
ет вниз, в пучину, зеленые волны шипят,  
поднимаются к четырем стеклышкам, с тя-  
желым плеском заслоняют свет в чулане.  
Скрипят перегородки, заваливается низень-  
кий потолок. Посол и дьяк со стоном за-  
крывали глаза.

Ясным утром второго сентября юнга,  
калмычонок, закричал с марса, из бочки:  
«Земля!» Близились голубоватые, холми-  
стые очертания берегов Босфора. Вдали —  
косые паруса. Прилетели чайки, с криками  
кружились над высокой резной кормой. Па-  
мбург велел свистать наверх всех: «Мыть-  
ся. Чистить кафтаны. Надеть парики».

В полдень «Крепость» под всеми пару-  
сами ворвался мимо древних сторожевых  
башен в Босфор. На крепостном валу, на  
мачте, взвились сигналы: «Чей корабль?»  
Памбург велел ответить: «Надо знать мос-  
ковский флаг».

Разлился далекий, будто за тридевять  
земель, золотой закат. Быстро багровея,  
угасал, окрасил кровью воды Босфора.  
Стали на якорь в трех милях от Констан-  
тинополя. В ночной синеве высypали боль-  
шие звезды, каких не видано в Москве.  
Туманом отражался Млечный путь.

На корабле никто не хотел спать. Гля-  
дели на затихшие берега, прислушивались  
к скрипу колодца, к сухому треску цикад.  
Солдаты, тихо сидя на пушках, говорили:  
«Богатый край, и живут тут, должно быть,  
легко...»

На другой день к кораблю стали приплывать на каюках моряки разных наций — шведы, голландцы, французы, португальцы, мавры, — иные в париках, в шелковых чулках, при шпагах, иные с головой, туго обвязанной красным платком, на босу ногу — туфли, за широким поясом — пистолеты, иные в кожаных куртках и зюйд-вестках, пропахших соленой рыбой.

Сели пировать на открытой палубе под нежарким сентябрьским солнцем. На виду — за стенами — мрачный, с частыми решетками на окнах, дворец султана, на другой стороне пролива — пышные рощи и сады Скутари. Преображенцы и семеновцы играли на рожках, на ложках, свистали птичьими голосами «весну».

Памбург в обсыпанном серебряной пудрой парике, в малиновой куртке с лентами и кружевами, — в одной руке — чаша, в другой — платочек, — разгорячась, говорил гостям:

— Понадобится нам тысяча кораблей, и тысячу построим... У нас уже заложены восьмидесятипушечные, стопушечные корабли. На будущий год ждите нас в Средиземном море, на Балтийском море. Всех знаменитых моряков возьмем на службу. Выйдем и в океан...

— Салют! — кричали побагровевшие моряки. — Салют капитану Памбургу!..

Затягивали морские песни. Стучали ногами. Трубочный дым слоился в безветрии над палубой. Не заметили, как и зашло солнце, как аттические звезды стали светить на это необыкновенное пиршество. В полночь, когда половина морских волков храпела, кто свалась под стол, кто склонив поседевшую в бурях голову между блюдами, Памбург кинулся на мостик:

— Слушай команду! Бомбардиры, пушкари, по местам! Вложи заряд! Забей заряд! Зажигай фитили! Команда... С обоих бортов — залп... О-о-огонь!

Сорок шесть тяжелых пушек враз выпихнули пламя. Над спящим Константинополем будто обрушилось небо от грохота... «Крепость», окутанный дымом, дал второй залп.

Емельян Украинцев писал цифирью:

«... Припал на самого султана и на весь народ великий страх: капитан Памбург пил целый день на корабле с моряками и подпил гораздо и стрелял с корабля в полночь изо всех пушек не однажды. И от той стрельбы учинился по всему Цареграду ропот и великая молва, будто он, капитан, тою ночной стрельбой давал знать твоему, государь, морскому каравану, который ходит по Черному морю, чтобы он входил в гирло...»

Торжества на Неве в честь победы под Гренгамом.  
С гравюры А. Зубова. 1720

